

ПАВЕЛ ИЕВЛЕВ

**ОПЕРАЦИЯ
«ПЕРЕБРОС»**

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
ИЗО

Серия «Граница»

Художник обложки *Вячеслав Коробейников*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Иевлев, Павел Сергеевич

ИЗО Операция «Переброс» / Павел Иевлев.— Москва: АСТ,
2015.— 413 с.— (Граница).

ISBN 978-5-17-088770-5

Однажды утром Артём понял, что остался один.

В пустом городе.

И это — не самое страшное, что могло случиться.

Потому что из города исчезли только люди.

А звери — остались. И у них появились новые хозяева...

Но по-настоящему страшно стало, когда Артём осознал:
выхода из этого города — нет.

И вокруг — уже не наша Земля, а в небе горят чужие звёзды.

По опустевшим улицам бродят жуткие монстры и люди,
которые ещё хуже монстров.

Кто, как и, главное, — зачем перенёс целый город в новый
мир?

Куда делись жители города? Откуда здесь взялся хорошо
вооружённый отряд спецназа?

Как выжить среди чудовищ?

На эти вопросы поневоле придётся отвечать Артёму и его
новым друзьям.

И чаще всего лучшим ответом будет автоматная очередь...

Подписано в печать 02.12.14.

Формат 84 × 108 1/32. Усл. печ. л. 21,8.

Тираж 2500. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Павел Иевлев, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1

Начало

Тот самый день не задался для Артёма с утра. Для начала он не выспался, потому что ночью выли и заходились лаем собаки. Откуда столько собак в практически пустующем посёлке, понять было совершенно невозможно, но стоило только задремать, как они, словно нарочно, начинали с утробного низкого воя, как по покойнику, потом переходили на истошный лай — и вдруг замолкали разом. Артём вскидывался, пялился заспанно на полную луну в окне, ругался про себя матерно и падал на подушку обратно. Сколько раз за ночь — бог весть, но не раз и не два. А утром в окно кто-то настойчиво и нагло постучал. С трудом продрал глаза, Артём натянул штаны (даже сельская простота нравов имеет свои пределы) и пошёл открывать. Рефлекторно глянув, на месте ли стоящий у входа топор, отодвинул тяжёлый засов и открыл скрипучую дверь. На заросшем давно не кошенной травой дворе никого не было. Стук повторился — такой же уверенный и требовательный — так стучат милиционеры и прочие Право Имеющие. Тупо уставившись на пустое пространство двора (надо выкосить уже, безобразие), Артём не сразу сообразил, что звук идет сверху, — на карнизе чердачного окошка сидела огромная чёрная

ворона и долбила клювом в раму. «Вот гадство! — сказал он птице страдающим голосом. — Какого тебе чёрта в семь утра? Тоже мне дятел... Пошла вон!» Ворона с равнодушно покосилась чёрной бусиной глаза и снова — тук-тук-тук! Артём махнул рукой и пошёл варить кофе — ложиться спать было уже как-то глупо.

Текст накануне не шёл, настроение было ни к чёрту, мобильный Интернет, единственно доступный вне города, выдавал нитевидный пульс и дыхание чеин-стокса — «доктор, мы его теряем...». А между тем сериалы на планшете подошли к концу... В общем, вчерашний вечер завершился постыдным злоупотреблением крепких напитков в одиночестве. Это придавало полубессонной ночи и раннему подъёму особые оттенки похмельного трагизма, который усугублялся необходимостью ехать в город — продукты заканчивались, а кофе оставалось вообще на один раз.

В город не хотелось. Будучи одиноким холостяком, мизантропом и даже слегка социопатом, Артём купил под дачу за сущие копейки деревенский дом в месте действительно глухом — выморочная деревня, где доживали свой век с полдесятка сельских пенсионеров, отделённая от цивилизации условно проезжими просёлками. Теперь тишина была его лучшим другом, а людей он видел хорошо если раз в неделю, в магазине. Коммуницировать с миром он предпочитал письменно, нынешняя работа не требовала присутствия нигде, кроме Интернета, и это был такой маленький Артёмов кусочек счастья. Теперь его всё устраивало, спасибо. Он долго шёл к такому образу жизни, оставив в прошлом бурные события сложной и далеко не однознач-

ной юности, и теперь наконец-то зажил ровно так, как всегда хотел — тихо-тихо. Ну и, разумеется, это не могло продолжаться долго — Мироздание тщательно следит за тем, чтобы каждый человек огребал свою порцию проблем вовремя, и очень не любит тех, кто отлынивает от раздачи.

Открывая покосившиеся ворота (самую прочную часть символического, по большей части, забора), Артём обратил внимание, что на крыше уже сидит штук пять удивительно крупных ворон — или воронов? Чем они, вообще, отличаются? Эти были чёрные и какие-то очень уж здоровенные, раньше он таких не видел. Но хотя бы стучать в окно перестали. Уже выезжая со двора, заметил, что на заборе ближайшей соседки — бабки Пелагеи, милейшей пожилой женщины, снабжавшей его козьим молоком и домашними яйцами, — чёрных угрюмых птиц сидело едва ли не два десятка. «Может, перелётные какие? — неуверенно подумал Артём. — Присела стая передохнуть...» Хотя в словосочетании «перелётные вороны» было что-то определённо неправильное.

В город он отправился кружным путем, проселками, выводящими на пыльный, разбитый грузовиками грейдер, — чтобы въезжать не через пост ГАИ. А ну как остановят? Похмелье всё же давало о себе знать, лучше не рисковать. Несмотря на будний день, дороги были абсолютно пусты, и, не будь Артём настолько удручён физиологическим дискомфортом посталкогольного состояния, его бы это удивило и насторожило. Но так уж вышло — он просто не обратил ни на что внимания.

Собака под колёса бросилась уже там, где пыльные пустые дороги сменились пыльными пустыми улицами окраин, гаражей, промзон и складов. Задумавшись, Артём не понял, что это собака, отреагировал на силуэт и движение резким маневром «лосинового теста». На присыпанном песком асфальте машину занесло. Он бы справился, опыта хватало — чётким движением руля компенсировал занос, чуть добавляя тяги на передних ведущих... Подвели рельсы. От ликвидированного в городе трамвая кое-где остались вмурованные в асфальт пути, непонятно почему ещё не сданные в металлолом, — на головку такого рельса и наскочило в боковом скольжении заднее колесо. Корейский мини-вэн кувыркнулся неожиданно легко и непринуждённо, как будто давно мечтал о подобном кульбите, и, проскрежетав крышей по асфальту, гулко ударился бортом о фонарный столб, разбрасывая вокруг сверкающие кубики лопнувших стёкол. Повисший на ремне вниз головой Артём даже выmaterиться не успел.

Материться он начал позже, отстёгивая защёлку ремня и выкручиваясь ужом между рулём и заклинившей дверью в попытках принять более естественное положение, головой, по возможности, вверх. Грохнулся спиной, чуть не свернув себе шею, на потолок, который теперь оказался внизу. Мотор, по счастью, сразу заглох — ещё не хватало запороть его работой «вверх ногами», с отлившим из картера в головку маслом, — но вот бензином пахивало. Выключив зажигание и вытащив ключи, Артём попытался открыть пассажирскую дверь — и она открылась без проблем. «Значит, кузов, скорее всего, не повело», — облегчённо подумал он. На новую машину денег не было точно, а вот на ре-

монтаж жестянки наскрести можно. Удручённо констатируя, что машина лежит вверх колёсами, упираясь водительским бортом в столб, что борт этот смят довольно сильно, с повреждением обеих дверей и центральной стойки, и что крыша, когда окажется сверху, тоже своим видом вряд ли порадует, Артём впервые обратил внимание на то, что стоило бы увидеть сразу, — на улице не было ни единого человека. Казалось бы, такой факт сложно не заметить, но абсурдность происходящего не давала его осознать. А вот когда Артём задумался о том, как бы поставить мини-вэн на колёса — одному это не под силу, но три-четыре мужика перевернут машину без проблем, — тут и сообразил, что вокруг никого нет. Он огляделся, сделав полный оборот, чтобы окончательно убедиться: улица удивительным образом совершенно пуста. Ни пешеходов на тротуарах, ни автомобилей на проезжей части. Вообще ни одного. Моргал в никуда жёлтым глазом ночного режима светофор, вяло чирикали воробьи, краем глаза наблюдал за ними из кустов как будто смотрящий со всем в другую сторону драный уличный кот.

— И что это за фигня? — устало спросил Артём у кота. — В кои-то веки я бы не отказался от общества коллег по биологическому виду. И немедленно раз — и никого вокруг. Мир не расположен ко мне сегодня?

Кот дернул ухом, отмечая, что услышал вопрос, и повел отрицательно хвостом, показывая нежелание отвлекаться на беседу. Воробьи его интересовали больше чужих проблем. Коты вообще известные эгоисты.

— Если человек не идет к человеку, то человек пойдёт человека искать! — провозгласил Артём максимуму дня и, вздохнув, отправился в сторону центра.

Вокруг по-прежнему царило полнейшее безлюдье — не прогуливались чинно мамыши с колясками в сквере, не пинали мячик на спортплощадке неутомимые подростки, не катались с горок детского комплекса орущие малолетки, не толпились у перехода прохожие, ожидая зелёного сигнала, да и машин на дороге тоже не было. Примерно через пару кварталов Артём понял, что уже не может игнорировать очевидную ненормальность происходящего.

Он достал из кармана смартфон и убедился, что сегодня четверг, июнь, 12.28, предположительно 25 градусов, преимущественно ясно, к вечеру возможен дождь, три письма, две sms-ки и что ему кто-то звонил с незнакомого номера.

— Социум хотел меня, когда я не хотел его,— мрачно констатировал Артём,— а когда я захотел социум, он исчез. Какая досада...

Ткнув пальцем в экран, перезвонил неизвестному абоненту. Телефон, пискнув, выдал «ошибку сети». Номера из телефонной книги вели себя не лучше. Одно по крайней мере, ясно: причиной происходящего не был выходной. Будучи человеком свободного образа занятий типа «пишу за еду», Артём обычно слабо ориентировался в днях недели. У него всякий день был рабочий или всякий — выходной. В зависимости от желания и настроения. Это тоже входило в его понятие счастья.

— Может быть, сегодня какой-нибудь праздник из новых? — спросил себя Артём.— Вроде бы в июне что-то такое было... День чего-то этакого...

Сквозь легкую постстрессовую заторможенность после ДТП неуклонно пробивалась мысль, что никаким, даже самым распрядничным, праздником происходящее объяснить не получится. Потому что так не бывает. Додумывать эту мысль не хотелось, потому что она требовала какой-то развернутой реакции на происходящее — ну там удивиться, испугаться, загрустить или даже куда-то бежать и что-то делать. Всего этого совершенно не хотелось. Лучшим из возможных решений в тот момент казалось поставить машину на колёса, вернуться за город, в свой дом, к компьютеру и недописанному тексту, а город пусть сам решает свои проблемы. Да, хорошо бы ещё в магазин за едой заскочить, конечно. Ничего, кроме еды и денег, Артёму от человечества нужно не было. Готовность Человечества обменивать продукты своего физического труда на сомнительные мегабайты его текстов всегда казалась Артёму слегка подозрительной, но, в целом, позволяла смириться с оно-го, Человечества, существованием. Ведь, если бы не оно, пришлось бы в поте лица добывать хлеб свой, а не покупать упакованным и нарезанным в магазинах.

Неторопливой походкой, внимательно осматриваясь, Артём прошёл несколько кварталов. Тишина давила на уши своей неуместностью — где-нибудь в лесу чирикание птичек в качестве самого громкого звука воспринималось бы нормально, но замерший в безмолвии город заставлял нервно озираться на каждый шорох. Зашелестел ли ветер пластиковым пакетом, хлопнула ли неплотно прикрытая створка окна — всё это слегка било по нервам, и Артёму постоянно приходилось сдерживаться, чтобы не накрутить себя до паники и не начать шарахаться от каждой тени.

«Внезапная эвакуация? Война? Катастрофа? Террористы?» — гадал Артём, уже понимая, что ни один из вариантов не подходит. Эвакуация целого города — задача эпических масштабов. При всей мощи и организационных возможностях СССР быстрая тотальная эвакуация проводилась один раз — в Припяти, и это было сделано с большими накладками, несмотря на то что городок крошечный. Эвакуировать одним разом миллионник? Не смешите, так не бывает. Даже если бы и одолели такую задачу — следов бы осталось предостаточно. Тот ещё хаос и бардак при таких раскладах бывает — проверено. Тут же было похоже на то, что все разом, одновременно исчезли, как будто их стерли ластиком. И вот это было действительно страшно...

Артёма невольно начало потряхивать — неужели он остался один? Пришлось остановиться, присесть на лавочку и сделать несколько глубоких вдохов, унимая сердцебиение. «Но-но! — сказал он себе. — Никаких сердечных приступов! Что-то мне подсказывает, что „скорую“ придётся ждать долго...»

На первый взгляд, картина окружающего была удручающе однообразна — все тот же город, только без людей. Немного успокоившись, Артём стал обращать внимание на нюансы. Во-первых, какой бы чёрт ни унес жителей уездного-почти-миллионника, он явно сделал это ночью. Между часом ночи и семью утра — прикинул Артём. Ночной магазин, что открыт до часу, успел закрыться, а светофоры остались в ночном режиме. Во-вторых, он унес их очень аккуратно, в чем были, — за время прогулки ему не встретилось ни единого комплекта пустой одежды, лежащего где-нибудь на

тротуаре, а ведь даже в глухую ночь по улицам кто-то да ходит. Подойдя к автостоянке, Артём специально поднялся в будку сторожей — там-то в любой час ночи сидит охранник, — и тоже никого не обнаружил. На топчане валялось тоненькое казённое одеялко, на столике стояла кружка с остывшим чаем — просто «Мария Селеста» какая-то. Впрочем, в какой-то степени это даже радовало — обнаружить в городе миллион трупов было бы куда как неприятнее. Также совершенно очевидно, что вокруг не наблюдалось следов борьбы, панического бегства или сопротивления.

И кстати, ни одной автомобильной аварии, что было бы неизбежно, если бы люди исчезали из движущегося транспорта. Ночью, конечно, машин немного, но всё равно есть таксисты, милиция, скорые, ненавистные каждому горожанину ночные мотоциклисты, больные на голову стритрейсеры и просто неведомо куда и зачем едущие полуночники... В общем, по статистическим прикидкам Артёма, пройти несколько кварталов и не увидеть ни одной машины на проезжей части в случае, если бы водители из них исчезли на ходу, было невозможно. Авто стояли только на обочинах — явно те, что были припаркованы на ночь. Красовались также несколько специфических моделей — «как бы спортивных, но подешевле» — у ночного клуба. Золотая молодежь порой оттягивалась и до утра. Сам собой напрашивался вывод: те, кто ехал по дороге, пропали вместе с машинами. Так же, как пешеходы пропали вместе с одеждой, часами, мобильниками, зубными протезами и что там ещё у людей бывает в карманах и на теле.

Зайдя в клуб, Артём обнаружил на столах тарелки с закусками и напитки, а на танцполе моргающую в тишине светомузыку. Больше ничего интересного не нашлось — ну разве что несколько лежащих на столиках айфонов — видимо вынутые из карманов, они остались там, где их положили. Просто ещё одна бессмысленная подробность. Может быть, из этих деталей потом сложится целостная картина. А пока следовало позаботиться о насущном — Артём вдруг понял, что он чертовски, до судорог в желудке, хочет жрать. Видимо, нервы. Магазины и ларьки, как назло, были закрыты, а до идеи вломиться куда-нибудь Артём ещё не дозрел. Он просто хотел есть. Впрочем, решение, что называется, напрашивалось.

Уродливая бетонно-стеклянная высотка, архитектурный плагиат башни Саурана, нависала над проспектом, ежеутренне с хлюпаньем пропускных терминалов всасывая потоки офисного планктона. Там, на каждом из двадцати с чем-то этажей, люди работали — в современном понимании этого слова. То есть перемешивали нули с единицами на магнитных дисках, создавая из них новые комбинации. Если в этом и был какой-то смысл, то Артём, занимающийся у себя дома, в принципе, тем же самым, давно отчаялся его искать. За это почему-то платили деньги — ну и ладно. За деньги можно было купить еды — в расположенном внизу огромном торговом центре, нижний ярус которого был посвящён продуктам питания.

Торговый центр сиял огнями и шуршал эскалаторами, вызывая у Артёма привычную мозговую судорогу непонимания, — пять этажей магазинов, а за едой надо

спускаться в подвал. Торговый центр ему никогда не нравился, будучи непонятен, как рыбам паролод,— к чему все эти огни и музыка? Несуразное изобилие абсолютно ненужных вещей действовало подавляюще — страшно представить, какую прорву ресурсов перевело Человечество, создав для каждого магазина миллион почти-но-не-совсем-одинаковых очень дорогих штанов, которые, строго говоря, даже не являются одеждой. Наверное, люди находили в этом какой-то смысл, и это немного пугало — мало ли что ещё может взбрести в голову людям, которые находят смысл в неудобных штанах за огромные деньги?

На этот раз торговый центр напрягал уже не витринами — они, по большей части, были потушены и закрыты,— а отсутствием привычных толп. Похоже, закрывшись с вечера, торговый центр не возобновил свою деятельность утром. Хорошо хоть круглосуточный продуктовый супермаркет обеспечивал открытые двери в общий холл. Осмотревшись, Артём невольно вздрогнул — ему на секунду пришла в голову ужасная мысль, что люди никуда не делись. Просто вот он, Артём, вот так оригинально и неожиданно сошёл с ума. И вот стоит он посреди холла и никого не видит, а вокруг ходят обычные толпы празднующихся потенциальных покупателей, припадающих к витринам с бессмысленным интересом аквариумных рыбок.

— А видят ли они, в таком случае, меня? — остановился на этой гипотезе Артём.— Или я также невидим для них?

Впрочем, сделав над собой уже ставшее привычным усилие, он быстро успокоился. Как всякий социопат,

подолгу живущий в одиночестве, он приучил себя к определённой умственной дисциплине. В основном то людей держит в рамках социум. Они постоянно чувствуют плечо товарища — земляка, попутчика, коллеги... Ну и семья — куда ж без этого, нет ничего более социализирующего, чем родственные отношения. Человеку социальному не приходится прилагать силы, чтобы сдерживать внутреннее давление своей личности, скорее, наоборот — он вынужден постоянно сопротивляться внешнему давлению социума, который так и норовит ограничить его по максимуму. Вот так и живут люди в равновесии давлений, как глубоководные рыбы, и стоит только выкинуть их из общества, как внутреннее давление разрывает их психику в клочки. А всё потому, что нет привычки к самоконтролю.

Траволатор — такой странный эскалатор без ступенек — спокойно шуршал себе сверху вниз, к продуктовым сокровищам цокольного этажа. Артём снова подумал, что если пробежаться по нему бегом, то он, возможно, посшибает людей-невидимок, как кегли. А возможно, и нет. Ведь он до сих пор ни на кого не наткнулся, проходя через холл. Значит, они не только невидимы, но и неосязаемы друг для друга.

— Тогда какая разница, есть они или нет? — сделал он вывод и решительно шагнул на ребристую ленту.

Супермаркет был ожидаемо пуст. Не сидели за кассой помороженные кассирши, не слонялись по залу черноформенные охранники в нелепых фуражках, похожих на головной убор американского полицейского в представлении немецкого порнорежиссёра, не перебирали продукты придиричивые покупатели — залитые

электрическим светом пространства были совершенно и окончательно безлюдны. Прихватив тележку, Артём направился внутрь. Тележка, как всегда, попала с кривым, тянущим влево колесом — это была его личная супермаркетная непруха, которую Артём давно отчаялся победить. По какому бы принципу он ни выбирал тележку — хватал ли первую попавшуюся с краю, перебирал ли придирчиво, выдергивая одну за другой из спрессованного дежурным таджиком массива, дождался ли, пока её поставит в ряд очередной покупатель, — всегда оказывалось, что у его тележки кривое, тянущее влево колесо. И это всегда выяснялось, когда он уже проходил автоматический турникет и вернуться для замены становилось излишне сложным. Проще было потерпеть левоуклонистские стремления очередной колёсной корзины. Но не в этот раз.

— Да какого чёрта! — сказал Артём вслух. — Тварь я дрожащая или право имею?

Руками растопырив автоматические створки, вытолкнул кривую коляску обратно и выдернул из ряда следующую. Прицелившись вдоль ряда касс, запустил её по проходу — не понравилось: криво пошла, затормозив о стойку с презервативами и батарейками. Следующая финишировала где-то в бижутерии, обрушив там что-то лёгкое, но звонкое. Но вот, наконец, нашёлся достойный экземпляр, который, будучи стимулирован точным пинком, покатился ровно, как трамвай. Догнав набравшую приличную скорость тележку, Артём решительно перенаправил её порыв в нужную сторону.

Пройдясь вдоль рядов, кинул на сетчатое дно литровый пакет томатного сока, нарезки какого-то готового мяса, сыра и хлеба. На этом фантазия иссякла —